

**В диссертационный совет Д 501.001.73
на базе ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М.В. Ломоносова»**

Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14,
г. Москва, 119991

О Т З Ы В

**официального оппонента кандидата юридических наук ЛИТВИШКО
Петра Андреевича на диссертацию ЧЕКОТКОВА Артема Юрьевича
«Европейские ордера на арест и на производство следственных
действий: проблемы реализации и тенденции развития»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс**

Формирование единого пространства уголовного правосудия в наибольшей степени детерминировано принятием его участниками международно-правовых инструментов и механизмов кооперации, которые содержат в себе: 1) анализируемый в работе принцип (автоматического) взаимного признания решений судебных и административных органов; 2) возможность самостоятельной экстратерриториальной деятельности судебных и правоохранительных органов одного государства-члена на территории другого, такой как самостоятельные процессуальные действия, в т.ч. в рамках совместных следственно-оперативных групп, трансграничные наблюдение, преследование «по горячим следам», перехват телекоммуникационных и компьютерных данных. Эти формы международного сотрудничества в борьбе с преступностью весьма интрузивны по отношению к иностранному суверенному пространству и связаны с существенной добровольной уступкой суверенитета.

В отличие от Евросоюза, подобный уровень антикриминального взаимодействия является слишком высоким, к примеру, для СНГ в условиях его существующей модели, какова бы ни была степень взаимного доверия, желаемого или действительного, его участников. Это, в свою очередь,

указывает на потребность, в особенности в текущей конфигурации новых вызовов и угроз, усиления политической интеграции России и дружественных держав в области уголовной юстиции и полиции¹. В связи с этим проведенный в работе анализ интеграционного опыта ЕС в этой сфере является своевременным, предопределяет высокую **актуальность** исследования и его **существенное значение для интересов страны**.

Этим объясняется и большая **практическая значимость исследования**, результаты которого могут быть использованы в законотворческой деятельности, при разработке международных договоров и других международно-правовых документов ЕАЭС, СНГ, ШОС и других организаций с участием России, организации международного сотрудничества компетентных органов РФ с визави из стран ЕС и в образовательной деятельности. **Теоретическая значимость исследования** определяется его новизной, его положения могут служить основой для дальнейшей научной разработки анализируемых в нем международно-правовых институтов, инструментов и механизмов.

Диссертант методологически верно сформулировал цель, объект и предмет своего исследования. Достижению цели способствовало решение продуманной системы задач. Автор диссертации применял апробированную в уголовно-процессуальной науке **методологию**, что способствовало получению достоверных результатов.

Теоретической основой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного процесса и других отраслей права, относящиеся к исследуемой проблематике.

Нормативная база исследования охватывает международные договоры, регулирующие международное сотрудничество в области борьбы с

¹ См., например: Постановление № 8-14 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте Рекомендаций по сближению и гармонизации законов государств – членов ОДКБ об оперативно-разыскной деятельности» от 26 нояб. 2015 г. (п. 8).

преступностью, учредительные документы и нормативно-правовые акты Европейского союза, национальное законодательство государств-членов ЕС.

Вступающие в какие-либо интеграционные объединения страны априори передают часть своих предметов ведения и полномочий на наднациональный уровень, в том числе обычно и в области межгосударственного взаимодействия органов уголовной юстиции. Характер и объем передаваемых компетенций могут действительно свидетельствовать о фундаментальной, при этом целенаправленной и потому закономерной «смене парадигмы» антикриминального сотрудничества, нежели лишь изменении его процедуры и юридико-технических аспектов, что и имело место в рамках Европейского союза. Так, пространство свободы, безопасности и правосудия находится в совместном ведении Союза и его государств-членов². Преамбулы договоров о Европейском союзе и о функционировании Европейского союза декларируют решимость соответственно продвигать европейскую интеграцию и устранять барьеры, которые разделяют Европу. В свою очередь, к данным договорам отсылают соответственно преамбулы Рамочного решения Совета ЕС о европейском ордере на арест и Директивы Европейского парламента и Совета ЕС о европейском следственном ордере по уголовным делам. В подготовительных материалах ордера на арест подчеркиваются «радикальная смена перспективы» сотрудничества за счет принципа взаимного признания, режим отсутствия госграниц, а также принцип гражданства Союза как основа передачи странами ЕС друг другу собственных граждан³. Как отмечает Н.А. Сафаров, «отход от традиционных правил и принципов экстрадиции...является свидетельством выбора новой стратегии Евросоюза в сфере повышения эффективности механизмов взаимного сотрудничества по

² Договор о функционировании Европейского союза (ст. 4).

³ Proposal for a Council Framework Decision on the European arrest warrant and the surrender procedures between the Member States submitted by the Commission on 19 Sept. 2001 (paras. 4, 12 of the preamble) and the Explanatory Memorandum thereto // Official Journal of the European Communities. 27.11.2001. C 332 E/305–319.

уголовно-правовым вопросам, полностью соответствующей общей концепции формирования единого правового европейского пространства»⁴.

Более того, достаточно очевидным фактом является то обстоятельство, что не только любой интеграционный процесс, но и в целом любые договорные и внедоговорные обязательства государства в той или иной мере ограничивают его свободу действий и тем самым суверенитет. Так, как ограничивающие суверенитет запрашиваемого государства могут рассматриваться такие традиционные для России многосторонние и двусторонние договорные обязательства в сфере международного антикриминального сотрудничества, как обязанность по запросу другой стороны договора оказать правовую помощь, выдать обвиняемого иностранца или апатрида, находящегося в пределах территориального верховенства запрашиваемой страны, либо, наоборот, соблюсти конвенционный императивный запрет выдачи собственных граждан и других категорий лиц. Уже само по себе использование в Минской конвенции 1993 г., действующей на пространстве СНГ, терминов «поручение» и «требование» вместо общепринятых в договорной практике и учитывающих чужой суверенитет «просьба», «ходатайство», «запрос» не случайно. А рассматриваемое в диссертации ограничение действия принципа «двойного вменения» заложено, к примеру, и в Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. (ст.ст. 2, 5), в которой участвует и Российская Федерация. США и ряд других стран издавна выдают собственных граждан, тем самым добровольно ограничивая свой суверенитет в силу принятых договорных обязательств и вне какого-либо интеграционного формирования.

В контексте этих обстоятельств, не выдвигавшихся на передний план ни в российской, ни в зарубежной литературе, работа обладает необходимыми признаками завершенного комплексного монографического

⁴ Сафаров Н.А. Трансформация правила «двойного вменения» в механизме европейского ордера на арест: эволюция или революция? // Государство и право. 2016. № 9. С. 67.

исследования по теме, **степень научной разработанности** которой недостаточна. Уголовно-процессуальная материя оппонируемой диссертации в предпринятом объеме ранее не являлась предметом специального системного исследования с точки зрения проблематики государственного суверенитета и юридико-политических позиций, что обуславливает существенную **научную новизну научных положений, выводов и рекомендаций диссертации.**

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, в полной мере подтверждается:

- (а) ясностью трактовок основных теоретических результатов;
- (б) сочетанием научных исследований с рекомендациями по их использованию на практике;
- (в) апробированием разработанных научных положений и рекомендаций.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций исследования обусловлена комплексным анализом российских и иностранных доктринальных источников по теме диссертации, изучением европейской судебной практики, поставленными целями исследования, формированием необходимого числа научных задач, избранной методологической основой исследования, верификацией выводов посредством сопоставления нормативной и эмпирической основ исследования. Используемый соискателем **эмпирический материал** (решения Суда Европейского союза и конституционных судов государств-членов ЕС) для выполнения задач исследования в достаточной мере репрезентативен.

Основные научные результаты диссертации надлежащим образом **апробированы:** доложены, обсуждены и одобрены на заседании кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отражены в опубликованных автором четырех статьях в рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, а также использованы при проведении семинарских занятий по учебной дисциплине «Уголовный процесс» на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Несомненным **преимуществом** работы является большое количество использованных в ней иноязычных источников, многие из которых впервые вводятся в отечественный научный оборот. Работа написана юридически грамотным языком с использованием специализированного понятийного аппарата исследованной области правоотношений.

Структура диссертации определяется поставленными задачами и целью. Диссертация состоит из введения, трех глав, охватывающих шесть параграфов и двенадцать подпараграфов, заключения и списка используемой литературы.

Глава I диссертации (с. 18–65) посвящена рассмотрению понятия права международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, анализу его форм и направлений, а также правовых основ, регулирующих данный вид взаимодействия государств в рамках Европейского союза.

Автор корректно выделяет из него подотрасль международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, рассматривает имеющиеся научные взгляды на классификацию международной правовой помощи по уголовным делам в ее широком и узком смыслах, ограничивает правовое (процессуальное, «судебное») сотрудничество в области уголовной юстиции от международного правоохранительного (полицейского) содействия на основе критерия цели запрашиваемой помощи – получения документов или предметов, обладающих качеством доказательства.

В *главе II диссертации* (с. 66–111) исследуются противоречия, возникшие в связи с упразднением на пространстве ЕС традиционных положений, характерных для процедуры экстрадиции, а также практические

проблемы применения европейского ордера на арест, проявившиеся в последние годы. В основу анализа положен вопрос о надлежащем соблюдении прав и свобод человека при реализации этого нового инструмента сотрудничества. Так, анализируются правовые последствия отмены запрета выдачи собственных граждан; ограничения действия принципа «двойного вменения» и вытекающих из него противоречий в применении правила *ne bis in idem*; проблемы пропорциональности между реализацией интересов европейского наднационального правосудия и обеспечением прав, свобод и законных интересов человека в процессе применения упомянутого ордера.

Диссертант последовательно выводит правильное утверждение, что эффективное применение европейского ордера на арест на общеевропейском пространстве неизбежно связано с ограничением, по сравнению с экстрадицией, объемов прав индивида и суверенитета сотрудничающих в ордерном порядке стран.

Глава III диссертации (с. 112–148) содержит разбор проблемы создания единого механизма взаимного признания властями стран ЕС решений о производстве следственных действий вместо режима взаимной правовой помощи по уголовным делам, анализ правовых особенностей и процесса реализации институтов европейского ордера на получение доказательств и европейского следственного ордера, в частности, режимы исполнения *forum regit actum*, *locus regit actum*, *forum shopping*.

Автор формулирует обоснованные выводы о маловероятности эффективного функционирования института европейского ордера на получение доказательств, а также об ограничении правочеловеческих гарантий, в частности, права на защиту и суверенных прав государств-членов ЕС в предстоящем процессе реализации действующей модели европейского следственного ордера. Также заслуживает поддержки вывод автора о том, что взаимное доверие между процессуальными системами государств-членов ЕС, которое должно было стать основой функционирования принципа

взаимного признания, провозглашается лишь на политическом уровне, не имея к тому действительных оснований. Так, государство может являться участником множества международных инструментов в правочеловеческой сфере, иметь национальное законодательство, гармонизированное и даже унифицированное с другими членами межгособъединения, однако не соблюдать ни первое, ни второе, что показывает прецедентная практика ЕСПЧ. Другими словами, взаимное доверие является проблемой не столько наднациональных и внутригосударственных правовых установлений, сколько их добросовестного исполнения государствами-членами⁵.

В *заключении* (с. 149–151) излагаются итоги диссертационного исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

Содержание работы свидетельствует, что диссертационное исследование выполнено на высоком научном и практическом уровне, изучен и проанализирован значительный объем теоретического, практического и нормативного материала; работа содержит ряд интересных новых выводов и предложений.

Автореферат соответствует содержанию диссертации, в нем изложены основные идеи и выводы диссертации, показаны вклад автора в проведенное исследование, степень новизны и практическая значимость приведенных результатов исследований.

При положительной оценке диссертационного исследования нельзя не указать на наличие в нем следующих **отдельных спорных положений и недочетов**.

1. Авторская дефиниция понятия международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью (выносимое на защиту положение № 1) необоснованно заужена по нескольким параметрам: во-первых, это сотрудничество осуществляют не только государства, но и международные (межгосударственные, межправительственные) организации и иные акторы;

⁵ Опровержимость презумпции взаимного доверия зафиксирована в п. 19 преамбулы Директивы Европейского парламента и Совета ЕС о европейском следственном ордере по уголовным делам.

во-вторых, данная деятельность основывается не только на положениях международных договоров, но и других источниках международного (и в настоящем случае европейского наднационального) права, а также может приобретать форму внедоговорных, односторонних, самостоятельных действий органов одного государства на территории другого (концепция «пассивной помощи»).

2. Несмотря на проведенный в работе соответствующий селективный анализ (с. 28–42 диссертации), подобной неполнотой страдает и характеристика международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (выносимое на защиту положение № 2), хотя мотивы упрощения автором классификации его видов вполне понятны в свете целей исследования и числа корреспондирующих видов анализируемых ордеров. Так, в этом положении автор очевидно исходит из трактовки международной правовой помощи в ее узком смысле, не включающей в себя, в частности, экстрадицию (что само по себе приемлемо, но не безупречно, в т.ч. с учетом предметов регулирования большинства международных договоров РФ о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, где выдача включается в объем правовой помощи). Но при этом им констатируется существование в составе упомянутого сотрудничества лишь «двух классических институтов, которые имеют сугубо процессуальную природу и применяются в рамках производства по уголовному делу» (экстрадиции и правовой помощи), и тем самым за рамки процессуального сотрудничества в области юстиции неоправданно выводятся иные его виды, в совокупности образующие правовую помощь в ее широком смысле (передача уголовного преследования, осужденных к лишению свободы или страдающих психическими расстройствами лиц, признание и исполнение судебных решений, совместные расследования, консульская правовая помощь по уголовным делам и ряд других).

В то же время небесспорно утверждение рецензируемого положения № 2 о сугубо процессуальной природе взаимной правовой помощи по

уголовным делам, поскольку в нем не учитывается конвергенция отечественных институтов процессуального предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности как в зарубежном праве (включая национальное законодательство стран ЕС), так и международном судебном и правоохранительном сотрудничестве, соответственно конвергенция процессуального и полицейского сотрудничества. Так, Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2001 г. в качестве форм взаимной правовой помощи регулирует производство оперативно-разыскных мероприятий – трансграничного наблюдения, контролируемой поставки и негласных расследований. Эти же правовые формы прописаны в одноименной Конвенции ЕС 2000 г. и, что особенно важно в контексте рецензируемого исследования, в Директиве Европейского парламента и Совета ЕС о европейском следственном ордере по уголовным делам 2014 г. (исключая трансграничное наблюдение и включая перехват телекоммуникационных данных).

Далее, так же как западное *«criminal investigation»* включает в себя в первую очередь ОРД (а «следственные действия», в том числе предусматриваемые европейским следственным ордером, – ОРМ), так и в контексте международного сотрудничества в области уголовной юстиции и полиции понятие «уголовное дело» (*«criminal matter (case)»*) (и соответственно производства по нему (*«criminal proceedings»*)) единообразного значения не имеет, его процессуальное содержание варьируется в зависимости от страны и, как правило, включает в себя и доследственную проверку, что в последнее время стало учитываться в договорно-правовой и правоприменительной практике российских центральных органов по вопросам правовых отношений по уголовным делам⁶.

⁶ См. также: Головкин Л.В. Модель российского предварительного следствия в контексте некоторых новейших инициатив // Организация предварительного расследования.

3. В положении на защиту № 4 упущено указание на то обстоятельство, что новые ордерные инструменты заменили собою режимы экстрадиции и правовой помощи исключительно в пределах пространства ЕС, но не в отношениях между странами-членами и странами-нечленами ЕС.

4. Одной из задач оппонируемого исследования заявлена идентификация «истинных мотивов» введения европейских ордеров на производство следственных действий и на арест. Диссертант приходит к выводу, что стратегическая (первоочередная) цель создания данных наднациональных инструментов заключалась в дальнейшем ограничении суверенитетов государств – членов ЕС и углублении евроинтеграции (в области уголовной юстиции), и отводит названным инструментам роль средств (механизмов) в реализации этой цели (выносимые на защиту положения № 7 и № 9, с. 11, 15–16, 71, 83, 90, 94, 106, 110, 114–115, 118, 121, 124, 136, 145–149 диссертации). Исходя из наличия предмета доказывания как такового и признавая, что поставленная задача в работе в принципе решена, приходится, тем не менее, констатировать, что данная цель достигнута соискателем с использованием недостаточных средств верификации, вследствие чего за сформулированным выводом можно признать лишь вероятностную ценность.

Так, в основу рассуждений автора на эту тему положены лишь косвенные доказательства, причем важен темпоральный аспект их источников – почти все они относятся к периоду после принятия анализируемых инструментов, а не до или во время их разработки, и состоят из материалов последующей правоприменительной практики, в частности, судебного толкования Судом Европейского союза, к тому же не касавшихся выяснения политических целей института ордеров. В то же время наряду с этим методом интерпретации, для решения поставленной в работе задачи – выяснения подвергаемых сомнению намерений создателей документов –

следовало применять прежде всего способ телеологического толкования и обращаться к дополнительным средствам толкования международно-правовых документов, а именно подготовительным материалам и обстоятельствам их принятия (заявлениям лиц, причастных к их инициированию, разработке и принятию, в т.ч. возможно опубликованным после их вступления в силу, обнародованной дипломатической переписке и т.п.). В исследовании лишь дважды упоминается пояснительный меморандум к Директиве о европейском следственном ордере в контексте, не подтверждающем выдвигаемый тезис (примечания на с. 127, 135); в то же время в работе нет следов проверки иных *travaux préparatoires*, в т.ч. имеющихся на официальных Интернет-ресурсах ЕС. Вместе с тем приводятся два высказывания насчет политического генезиса ордеров, при этом не поясняется, принадлежали ли их авторы к числу инициаторов или разработчиков ордеров (с. 146–147).

Выражаясь уголовно-правовым языком, вменяемый разработчикам умысел на преследование предполагаемой геополитической самоцели – ограничения суверенитета стран ЕС (и если исходить из ее намеренного сокрытия) – в отсутствие прямых свидетельств такового недоказуем. Одновременно весьма трудно согласиться с подходом рассматривать европейские ордера как средство реализации политической цели и при этом отказывать им самим в качестве антикриминальной самоцели *per se*.

Описанный недочет мог бы быть восполнен в ходе публичной защиты диссертации.

5. Положение на защиту № 8, на наш взгляд, не вполне обладает научной ценностью, поскольку содержит лишь констатацию известного факта.

6. С точки зрения разграничения в терминологии международного права международных преступлений и транснациональных преступлений (преступлений международного характера), которое, безусловно, известно диссертанту (примечание на с. 22), используемому в работе обиходному

выражению «международная преступность» (с. 13, 18, 23, 27, 29, 38, 62–63, 70, 149 диссертации, с. 11, 18 автореферата) следовало бы предпочесть термин «транснациональная преступность».

7. Работа содержит некоторые терминологические погрешности, а именно: в настоящее время следует вести речь о ЕАЭС (Евразийский экономический союз), а не ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), упраздненном в 2014 г.; Шанхайская организация сотрудничества не является интеграционным образованием (с. 6, 16 диссертации, с. 5, 15 автореферата).

8. Текст диссертации несколько перенасыщен комментариями методологического характера, поясняющими его логику и структуру, иногда слишком пространными вступлением, резюмированием предшествующих и анонсированием последующих разделов.

Вместе с тем высказанные замечания имеют частный характер и не влияют на общее положительное впечатление о представленном на защиту научном продукте.

В целом констатируем наличие в диссертации положений теоретического и практического плана, которые представляют собой существенный вклад в науку уголовного процесса, большинство из них заслуживают поддержки.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим **выводам**:

1) содержание диссертации А.Ю. Чекоткова «Европейские ордера на арест и на производство следственных действий: проблемы реализации и тенденции развития» соответствует научной специальности 12.00.09 – уголовный процесс;

2) диссертация А.Ю. Чекоткова «Европейские ордера на арест и на производство следственных действий: проблемы реализации и тенденции развития» является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, в совокупности содержащие решение научной

задачи, имеющей существенное значение для развития науки уголовного процесса, теоретического обеспечения законотворчества и практики уголовного судопроизводства. Данная работа обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. В ней содержатся рекомендации по использованию научных выводов. Предложенные автором диссертации решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. В связи с этим диссертация соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук в соответствии с п.п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 02.08.2016), и заслуживает положительной оценки;

3) автореферат соответствует содержанию диссертации;

4) материалы диссертации достаточно полно представлены в публикациях автора и известны юридической общественности, апробированы, а результаты исследования внедрены в учебный процесс;

5) автор диссертационного исследования Чекотков Артем Юрьевич по результатам публичной защиты диссертации заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Официальный оппонент
руководитель отдела международного сотрудничества
управления международно-правового сотрудничества
Следственного комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук
полковник юстиции

П.А. Литвишко

«07» ноября 2016 г.

*Подпись Литвишко П.А. заверяю.
Первый заместитель руководителя управления кофоп
Следственного комитета Российской Федерации*

Технический пер., д. 2, г. Москва, 105005
Следственный комитет Российской Федерации
+7(985) 770-82-31
petrlitvishko@yandex.ru

А.А. Заданко